

К 75-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

УДК 316.752.4+39(477.6)

ББК 63.3(0)64+63.529

Символы и мифы Великой Отечественной войны в формировании образа современного вооруженного конфликта на Донбассе

Татьяна Юрьевна Власкина

(Южный научный центр Российской академии наук:

Российская Федерация, 344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, д. 41)

Аннотация. В статье рассматриваются механизмы порождения исторических ассоциаций и аллюзий, благодаря которым становится возможной семантическая перекличка между важными общественными событиями и процессами. Автор обращается к феномену Великой Отечественной войны, аксиологические доминанты и смысловые маркеры которой продолжают воспроизводиться во множестве событий и форм на протяжении всего послевоенного периода. Особенное значение героические символы Великой Отечественной войны приобрели в поиске идеологической опоры для провозглашения ЛДНР, а также в последующем конструировании образа народных республик в общественном и информационном пространстве. Указывая на множественность факторов и оснований для генерации ассоциативных связей, автор останавливается на рассмотрении форм представления данного явления в различных сферах жизни населения Донбасса. Источником исследования являются экспедиционные материалы 2018–2019 гг.: аудиозаписи интервью, экспертная оценка ситуации на основании включенного наблюдения, фотографии и др. Кроме того, широко привлекаются публикации в СМИ и социальных сетях, авторские художественно-публицистические и поэтические тексты.

Ключевые слова: Донбасс, Великая Отечественная война, исторические ассоциации, символы, исторические мифы, герои, памятники, публичные акции, общественные практики, интервью.

Статья выполнена в рамках проекта РНФ «Войны и население юга России в XVIII — начале XXI в.: история, демография, антропология» (17–18–01411).

Дата поступления статьи: 20 апреля 2020 г.

Дата публикации: 25 сентября 2020 г.

Для цитирования: Власкина Т. Ю. Символы и мифы Великой Отечественной войны в формировании образа современного вооруженного конфликта на Донбассе // Традиционная культура. 2020. Т. 21. № 3. С. 11–24.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2020.21.3.001>

Образы и опыт одной эпохи могут быть использованы для самовыражения иных культур в иные эпохи, это многократно происходило в истории. В некотором роде таков один из классических методов исторического познания [Пластикова 1979]. Сообщества, особенно в переломные моменты своего существо-

вания, раз за разом находят в исторической памяти человечества поучительные и вдохновляющие примеры.

Великая Отечественная война — важнейшее событие в истории не только нашей страны, но и всего человечества.

В самоидентификации гражданина СССР одной из ключевых позиций стала

семейная память о войне, реальная или гипотетическая роль родных в иерархии ее персонажей, оценка собственной личности в сравнении с образами героев. Неслучайно именно к представлениям о войне обращено множество усилий недоброжелателей России, с тем чтобы превратить их в роковое орудие для взлома советской системы и трансформации самой памяти о ней [Сенявский 2015, 65–72]. Ярким доказательством непреходящей значимости и преобразующей силы исторической памяти о Великой Отечественной войне представляется высокая степень универсальности ее образов, которые с постоянством способны экстраполироваться на иные времена и события. Для многих поколений они послужили универсальной шкалой добра и зла, с помощью которой структурируется и маркируется действительность, дается нравственно-этическая оценка происходящему. «Историческая память о Великой Отечественной войне отражает базовые ценности общества в постсоветских странах», — по емкому определению А.В. Баранова, — при этом феномен исторической памяти в принципе «...в большей мере характеризует мировоззрение современных людей, цели и технологии конструирования их представлений о прошлом, а не реальные исторические факты» [Баранов 2015, 85–86].

Выразительную картину превращения Великой Отечественной войны в объект исторической политики современности демонстрирует Украина. Спекулятивное обострение давних региональных и субэтнических противоречий в восприятии событий войны, создание особой новопоколенческой позиции путем конструирования псевдоисторической памяти, отвечающей задачам построения нового моноэтнического и «декоммунизированного» украинского государства, — все это внесло весомую лепту в фрагментацию страны. Задачей нашей работы является изучение фактов экстраполяции образов и смыслов Великой Отечественной войны в жизнь населения юго-востока Украины в самопровозглашенных республиках Донбасса. При этом мы попытаемся удержаться от вторжения в историко-политологические сферы и сконцентрируемся на вопросах культурной антропологии и исторической семантики.

Степень изученности проблемы весьма своеобразна. Многие историки обращались в своих исследованиях к феномену постсоветского мифотворчества, критически рассматривая концепции и идеологемы, внедряемые в сознание общества посредством учебных программ, публичных акций и дискуссий в СМИ [Константинов, Ушаков 2001; Кринко 2012 и др.]. Около 10 лет назад социология стала констатировать систематические изменения в оценках прошлого в массовом сознании украинского населения [Портнов 2011, 91–92]. Но в работах данного профиля в основном рассматриваются тенденции к пересмотру советской концепции Великой Отечественной войны. Авторы нечасто обращаются к контрастным позициям, которые не только сохраняются, но и находят своеобразное развитие в отдельных регионах страны [Баранов 2015, 90–91; Беспалов 2019]. И совсем редко тема исследуется в рамках дисциплин культурно-антропологического дискурса. В качестве редкого примера можно назвать украинского автора О. Стяжкину, которая, декларируя инструментарий устной истории, пытается обосновать собственный взгляд на население Донбасса как на оккупированное сообщество, не способное на выражение собственных приоритетов через отрицание таких понятий, как *всенародная борьба с оккупантами, жертвенность и героизм сопротивления* в пользу теории приспособления населения к условиям оккупации. Характеризуя таким образом тех, кто принял ЛДНР в качестве альтернативы киевскому майдану, автор, к сожалению, не затрудняет себя эмпирическим материалом и ограничивается голословными сентенциями [Стяжкина 2016, 91–92]. Это очень показательный подход для части современных устноисторических исследований, выражающих подчеркнутую «прокиевскую» позицию, но, что важнее, уязвимых с точки зрения доказательной источниковой базы. И тех, как уже было указано, немного. Что же касается исследовательских наработок относительно роли исторической памяти о ВОВ в процессах культурного строительства ЛДНР, то в русле этнолингвистики, социоллингвистики, изучения современного городского нарратива их пока практически нет.

Источниками данного исследования служат материалы полевой работы автора в ДНР в 2018–2019 гг., которые проводились в рамках договора о сотрудничестве между ЮФУ и ДонНУ при неформальном руководстве и участии специалиста ЮНЦ РАН. В архиве экспедиции более 200 интервью, документы личного происхождения, результаты фотофиксации и включенного наблюдения. Кроме того, привлекались материалы социальных сетей и публикации в СМИ, авторские художественно-публицистические и поэтические тексты литераторов Донбасса, которые стали источником прецедентных текстов и примеров визуализации образов.

Первой спонтанной и частой реакцией многих жителей юго-востока Украины на начало вооруженного конфликта в 2014 г. стало сравнение этих событий с началом Великой Отечественной войны. Это хорошо прослеживается в воспоминаниях пожилых людей, переживших войну: многие подчеркивают, что в тот момент возродились самые страшные впечатления детства, и они вновь испытали чувство кошмара наяву [Носков 2015]. Особенно сильно первые впечатления сохранены в синхронных документах. Собственными записями за этот период мы не располагаем, но постепенно становятся доступными дневники, письма и документально-художественные записки. В студенческих очерках, собранных кафедрой журналистики ДонНУ в книгу, эмоции первых дней войны проступают, несмотря на неопытность авторов и формализм школярского стиля. «Как и в 1941 г., когда на борьбу с немецко-фашистскими оккупантами поднялись наши предки, сейчас тысячи моих земляков вступают в народное ополчение. Они идут с целью защитить свой дом и свою семью. Обычные люди, которые не имели никакого опыта в военном деле, стали на кровавом пути карателей украинской армии. <...> Как и в годы Великой Отечественной войны, мои современники покрыли себя неуязвимой славой» [Юность моя в огне 2017, 14–15]. Более половины очерков молодых дончан, представленных в этой книге,

содержат суждения, проводящие подобные аналогии.

Те же мысли звучат в письме одного из бойцов Луганского ополчения — мужчины средних лет, которое он написал своему отцу незадолго до гибели в августе 2014 г. «Как потомки тех, кто уничтожал фашистов на Великой Отечественной, сами выродились в фашистов? Как эта нечисть вообще смогла вылезти наружу через столько лет? <...> Для чего наши деды и отцы погибали на войне? Для того, чтобы их дети и внуки жили в мире! Как я мог сидеть и смотреть, как убивают и пытаются растоптать то, во что мы верили, чем дорожим и что любим. Все то, за что погибли 69 лет назад десятки миллионов людей» [Блокнот ополченца 2019].

Подобную риторику легко представить пропагандистским штампом, что, собственно, и происходит постоянно в ходе полемики на самых разных площадках. Фраза «Фашизма в Украине нет» уже стала мемом. Странники этой точки зрения обычно апеллируют к терминологической точности, высмеивая вольное обращение со словами *фашизм*, *нацизм* и их производными. Здесь есть чему возразить историкам и политологам, но, поскольку мы рассматриваем особенности массового общественного восприятия событий, важнее то, как объясняют употребление именно этих слов местные жители.

«Вот говорят, что фашисты сказать будет неправильно, что это в Италии, а тут — патриоты, то есть националисты. Еще слышно “нацики”... Но только я знаю, что фашисты — это враги, не люди, они бомбят города, мучают людей. Отец воевал... я видела в кино, в книжках... и в школе нам объясняли. И эти такие же гады, жить не дают, — как их еще называть? Фашисты — фашисты и есть» (ДНР19.07.18.И19И21ТВ)¹. Данное название определение вполне соотносится с выводами психолингвистики: в слове славянских ассоциаций *фашист(ы)*, *Гитлер* образуют частотные реакции на слова-стимулы *враг*, *ненависть*, *война*, *смерть* в ассоциативных полях всех трех восточнославянских языков — русском,

¹ Условия проведения экспедиции требовали гарантий полной анонимности для респондентов. Все интервью имеют шифр, в котором содержится информация о месте и дате записи, № интервью, № информанта, инициалы автора записи.

Мемориальный комплекс «Саур-Могила». На переднем плане скульптурная композиция из осколков мин и снарядов, посвященная погибшим в 2014 г. ополченцам ДНР (автор В. Михалев). На заднем плане храм в честь покровителя воинов — князя Александра Невского. Фото автора, 2018 г.

The Saur-Grave memorial complex. In the foreground is a sculptural composition by V. Mikhalev made of fragments of mines and shells and dedicated to DPR militiamen killed in 2014. In the background is a church in honor of the patron saint of warriors, Prince Alexander Nevsky. Photo by the author, 2018

украинском и белорусском [САС 2004, 52–53]. При этом *нацист* и *знак свастики* встречаются единично в ассоциативной связи с *ненавидеть (его)* и только в русском языке [САС 2004, 313].

С началом вооруженного конфликта оказалось, что использование исторической терминологии может приобретать зеркальный характер, что снова подтверждает: ведущее содержание лексемы в современном употреблении не специальное, а оценочное и зачастую сводится к значению ‘враг’. Как признала одна из юных донецких журналисток: «Для одних — фашисты ополченцы, а для других — солдаты украинской армии» [Юность моя в огне 2017, 42]. Также стороны допускают использование характерной терминологии Великой Отечественной войны, которая вызывает у населения региона острую негативную рефлексию (*фашизм, фашист(ы), фашистский*), а также адаптированных к ситуации просторечных вариантов (*укрофаши`исты /*

раш`исты и т.п.), которые фиксируются в живых речевых практиках (интервью), а кроме того, широко представлены в соц-сетях. Отчасти данный феномен может объясняться последовательным проведением на Украине особой исторической политики [Баранов 2015, 88–89]. Однако сейчас мы не располагаем надежными источниками относительно той части Донбасса, которая находится под контролем ВСУ, поэтому, отметив данное явление как одну из особенностей донбасского конфликта, оставим его изучение на будущее.

Следует заметить, что ситуация, в которой определенная часть населения Украины стала ассоциироваться у другой его части с фашистами, а их действия — с вражеской оккупацией, сложилась не вдруг. Сложно отрицать, что задолго до того, как ситуация набрала критическую массу, началось разрушение позитивного образа общей истории России и Украины, создание конструктивистской парадигмы

«обороняющейся украинской этнонации», в которой России и русским отводилась роль «образа врага» [Баранов 2013, 141–142]. Стали обеляться коллаборанты и нацистские преступники, а затем началось создание националистических парамилитарных структур, представители которых открыто демонстрировали нацистскую символику и проводили публичные акции, возбуждавшие соответствующие исторические ассоциации.

Летом 2013 г. депутаты украинского парламента от партии «Свобода» потребовали запрета упоминаний Великой Отечественной войны в публичной сфере и переименования ее во Вторую мировую, что впоследствии и произошло. Олесь Бузина отозвался тогда по этому поводу иронической заметкой в газете «Сегодня»: «Как там они ее хотят переименовать, я не знаю. Может, в Малую Схронную. Может, в Галицко-эсэсовскую» [Слово как оружие 2019, 408–409]. После такого прямолинейного навязывания обществу информации о своем неонацистском выборе было бы странно, если бы активистов праворадикального движения, как ни мало их было поначалу, обыватели не стали бы называть «фашистами». Когда же провокации продолжились все более активными и все менее безобидными действиями в том же ключе, определение *фашисты* в повседневной речевой практике закрепилось и стало обрастать однокоренными вариантами, а также словами-компаньонами, употребляющимися в близких значениях (*ф`аши, ф`ашики, н`аши, н`ашики, правос`еки, банд`еровцы, банд`еры, бандерё* и т.п.). Если можно так сказать, обществу потребовался достойный противовес. Видимо, именно тогда среди аполитичности и постсоветского нигилизма большинства обывателей стали пробиваться ростки осознанной и положительной переоценки советского исторического наследия. Священник из Донецка так описывает медленное «раскачивание» шахтерской столицы: «Люди политизировались самым неожиданным образом. 2й Майдан поначалу не замечали, но началось применение силы, причем неприкрытое, наглое. Ощущение хаоса. Ощущение хаоса шло из телевидения Украины. Донбассу было очевидно, что его ждет...» И далее: «Сознательный раскол, агрессию здесь не любят, не принимается

здесь такое. Начались митинги привезенных радикалов. Разогнали. Страшная вещь, на площадь Ленина вышел город, но их (промайдаанных радикалов) пожалели. Хотя постановление на колени пришло с Майдана. Ситуация стала развиваться симметрически» [ДНР08.11.19.И11И10(а) ТВ].

Митинги на площади Ленина стали заметной вехой весны 2014 г. Многие свидетели, вольные и невольные участники вспоминают о них как о тревожном и даже зловещем — *страшном* событии. «Особенно трагично, как катарсис отторжения Донбасса от Украины, описывают “донецкий Майдан” те, для кого тогда во многом было определено будущее — осознанно выбравшие Украину победившего Майдана» [Исторії несепаратисток 2015, 16–17].

Но и оставшиеся в восставшем Донецке испытывали чувство мучительной тревоги и неизвестности. Анна Ревякина — поэтесса, получившая признание благодаря пронзительным стихам о воюющем Донбассе, заклинала: «Не ходи через площадь Ленина в одиночку, / там мужчины битые выстроились в цепочку, / говорят о политике, цыкают и регочут. / Не ходи через площадь, тебя растопчут. <...> Береги себя, не ходи через чертову площадь, / это путь народа, который бредет на ощупь» [Ревякина 2016]. Эти свидетельства как нельзя лучше подтверждают вынужденный характер реакции Донецка, ответной, по отношению к киевскому майдану. Похоже, именно тогда предчувствие приближающихся событий стало настойчиво вызывать в коллективной памяти знаковые для отечественной истории образы.

В подготовке Донбасса к «симметричному» ответу любопытную роль сыграла «война памятников», а точнее, «война с памятниками» — явление, которое с глубокой древности сопровождается передачу власти, смену политического строя и доминирующих религий, как бы человечество ни стремилось к цивилизованным решениям. Факты сноса памятников известны практически по всему постсоветскому пространству. Были они и в России. Достаточно вспомнить демонтаж монумента Ф.Э. Дзержинскому на Лубянской площади в Москве в 1991 г. [Станкевич 2011]. Однако нигде подобные акции не приобрели такого размаха,

как на Украине. Последовательный демонтаж знаков советской эпохи, начиная с западных областей, с провозглашением в 2013 г. окончательного разрыва с тоталитарным прошлым увенчался так называемым «ленинопадом» по всей стране — бурным сносом памятников В. И. Ленину, который сопровождался глумлением. В конечном счете наличие или отсутствие памятника вождю пролетариата стало маркером политических приоритетов территории, а точнее — контроля над ней. Зачастую борьба против сноса была предтечей более жестоких боев между про- и антимайданных сил. «Есть народная примета — там, где нет памятников Ленина, нет войны! В Луганске и Донецке их стерегут как зеницу ока — и там льется кровь» — так однажды цинично обобщил ситуацию А. Герашенко (Памятник Ленину 2014). Неслучайно на стандартный вопрос собирателя, нужен ли в будущем памятник войне на Донбассе (по аналогии памятникам Великой Отечественной войны), коренной дончанин, один из активных участников «Русской весны», сказал: «Памятник? У нас уже есть — Ленину и Артему. Памятник Ленину на главной

Часть стены у разрушенной стелы мемориала «Саур-Могила» с надписью: «Здесь погибли Филин и Толстый. 08.07.2014». Ополченцы Филин (А. М. Горячев) и Толстый (М. А. Могилевский) стали первыми, кто погиб на Саур-Могиле в этой войне. Фото автора, 2018 г.

Part of a wall near a destroyed stele at the Saur-Grave memorial. It bears the inscription: "Here Filin and Tolsty perished. 08.07.2014." The militiamen Filin ("Eagle-owl," A. M. Goryachev) and Tolsty ("Chubby," M. A. Mogilevsky) were the first in the war to die at Saur-Grave. Photo by the author, 2018

Мемориал «Саур-Могила». Один из изувеченных пилонов, посвященных советским артиллеристам. Фото автора, 2018 г.

The Saur-Grave Memorial. One of the shattered pillars, dedicated to Soviet artillerymen. Photo by the author, 2018

площади (Донецка) — символ русского Донбасса» (ДНР06.11.19.ИБИБ(6)ТВ).

В дальнейшем «война памятников» стала важным элементом военной повседневности, коммеморации и мифотворчества, которые развивались параллельно. Буквальное, а не метафорическое сходжение мемориальных объектов с постаментов и вступление их в бой стало происходить в первые же недели вооруженного противостояния, поражая воображение символизмом происходящего. Речь, конечно, идет о боевой технике Великой Отечественной войны, которую в условиях недостатка вооружения ополченцы пытались ремонтировать и пускать в дело. Известно как об удачных, так и о неудачных опытах. Так, 6 июня 2014 г. на новостном сайте «Комсомольской правды» появилось сообщение о том, что накануне в Константиновке Донецкой обл. ополченцы завели стоящий на постаменте советский ИС-3, выпущенный еще в конце

Великой Отечественной войны. «Несмотря на то что машина “дремала” больше полувека, двигатель ожил без особых усилий, а орудие легко привели в боевое состояние» [Донецкие ополченцы 2014]. Заметка сопровождалась фотографией и комментарием эксперта по бронетехнике, который подтвердил возможность боевого использования машины. Здесь же сообщалось, что ранее в Донецке завели знаменитый Т-34, стоящий возле оперного театра, но у него оказалось испорчено орудие, а в роли тягача героическая машина показала слишком громоздкой, ее вернули на постамент. В первые годы войны (в основном до подписания вторых Минских соглашений) в СМИ было множество сообщений о подобных случаях: в ответ на поисковый запрос «На Донбассе танки сходят с пьедесталов» в течение пяти минут мы получили 4 тысячи ответов — статей, новостных сообщений, видеодокументов. Однако попытка зафиксировать подробности данных сюжетов позволила обнаружить массу проблем, которые в конечном счете поставили под вопрос их достоверность. В то же время украинский новостной контент активно использовал данный сюжет для опровержения и насмешек, связывая его с «наивными» попытками объяснить происхождение бронетанковой мощи ополчения [Как ополченцы воюют 2015]. Поэтому было необходимо выяснить в полевых условиях реальность использования памятников для выполнения боевых задач. Полученные данные оказались противоречивыми: с одной стороны, достаточно часто информанты выражали сомнения в возможности использования мемориальной техники, с другой — удалось документально подтвердить несколько таких фактов. Один из наших информантов оказался известным специалистом, причастным к восстановлению десятков единиц военной техники из числа снятых с пьедесталов и изъятых из музейных коллекций. Благодаря его свидетельствам можно заключить, что в период особенно сильной нехватки боевого оснащения Донбасс действительно держался за счет восстановленной техники, само использование которой носило не только реальное, но и символическое значение. Можно только представить, какова была духоподъемность того факта, что Донбасс

воюет против современных *фашистов* оружием Победы! При этом соотношение между реальными прецедентами и желаемыми сегодня совершенно неизвестно. Показателен точно зафиксированный пример использования миномета Масловского, установленного в парке на площади Ткаченко возле ДМЗ — Донецкого металлургического завода. Миномет — оружие Великой Отечественной войны, одновременно являющийся памятником своему изобретателю — гвардии полковнику командиру 183-го артиллерийского минометного полка 10-й гвардейской кавалерийской батареи В.Н. Масловскому (1904–1943), в 2014 г. был снят с постамента, разобран на составные части, разложен на чертежи деталей и инструкции сборки, отремонтирован (был заменен основной винт) и пущен в серийное производство на одном из донецких предприятий. Когда нужда в оригинале отпала, он был возвращен на постамент. Вся эта фабула была зафиксирована в нескольких документах, а именно в актах изъятия в 2014 г. и последующего возвращения миномета на ответственное хранение в 2015 г. (ДНР08.07.19ИЗИЗТВ).

Конечно, памятники естественным образом страдали при обстрелах. Но сегодня имеется множество документальных свидетельств, что, занимая населенные пункты в Луганской и Донецкой областях, воины ВСУ стремились повредить или уничтожить мемориальные объекты, связанные с советским прошлым, в том числе и с Великой Отечественной войной: одни из них служили ориентирами, другие использовались как мишени для пристрелки на местности, третьи стали объектами выражения отношения ко всему советскому. Только на территории ЛНР украинскими войсками в 2014–2015 гг. было повреждено около 80 памятников, посвященных Великой Отечественной войне [Дорошенко 2016].

Еще одним мотивом, связанным с памятниками, стала необходимость сооружения новых могил и чествование павших. Среди множества сюжетов, относящихся к этой теме, выделяются те, где можно оценить особенности оформления могил. Мы видим спонтанное воспроизведение целого ряда символических приемов, характерных для коммеморации событий Великой Отечественной

войны. Это и сооружение мемориалов на месте гибели героев, и использование военной техники, гильз от боеприпасов для оформления могил. Возвращение традиционной советской атрибутики, которая в других ситуациях уже не популярна, — звезд, георгиевских ленточек. На особенно выразительные могилы ополченцев распространилась ритуальная практика: митинги и возложение цветов по особым датам, посещение молодоженами в день свадьбы. Каждый из этих случаев может быть проиллюстрирован множеством фотографий.

Все названные тенденции нашли отражение в судьбе Саур-Могилы — одного из самых выразительных мемориалов Великой Отечественной, а теперь и донбасской войны. Стратегическая высота была одним из важнейших бастионов на пути планов ВСУ по отсечению восставшего Донбасса от границы России. В ходе боев лета 2014 г. мемориал стал импровизированным укреплением и в течение полутора месяцев почти непрерывно расстреливался из крупнокалиберных орудий. Получилось, что на Саур-Могиле не фигурально, а фактически перемешались останки защитников юго-западных рубежей России в 1941–1943 гг. и в 2014 г., — надо ли говорить о смешении эпох?

По мере развития событий стало известно, что борцы за единую Украину копируют не только шевроны нацистов, но и практики обращения с пленными, с мирным населением. В первые 2–3 года конфликта ожесточение заметно нарастало с обеих сторон, но именно украинскими военными, прежде всего бойцами добровольческих батальонов и национальной гвардии, совершались деяния, которые были зафиксированы международными организациями. Во многих случаях они могут быть признаны преступлениями против человечности, сопоставимыми с теми, которые фигурировали в материалах Нюрнбергского процесса [Григорьев 2016]². Мы здесь подробно не останавливаемся на теме военных преступлений, упоминая о них только для

того, чтобы подчеркнуть наличие оснований более веских, нежели образы и знаки, для исторических ассоциаций. Когда у человека есть настолько серьезные причины видеть себя в роли борца с фашизмом, он в случае необходимости может быть готовым к поступкам, прямо воспроизводящим, связанные с Великой Отечественной войной модели героики и жертвенности. Броситься под танк со связкой гранат, вызвать огонь на себя, стоять до последнего, прикрыть отход боевой группы ценой своей жизни, в безвыходной ситуации взорвать гранату и унести несколько вражеских жизней с собой, сбить вражеский самолет из не предназначенного для этого личного оружия — эти и другие сюжеты во множестве кочуют в СМИ, в соцсетях, пересказываются при личном общении. Гораздо реже можно точно установить реальность события, встретить очевидцев, получить информацию из «первых рук». Заслуживает внимания, насколько полно оказался представлен в информационном поле Донбасса перечень подвигов, которые стали героическими символами Великой Отечественной войны, но при этом они не были использованы должным образом в идеологической работе в войсках и с населением. Показательна история молодежного батальона «Юная самооборона» из Лисичанска Луганской области, который по ряду свидетельств принял единственный, но героический бой. Сюжет впервые появился в Интернете осенью 2014 г. Связанный с родиной молодого гвардейцев, он, естественно, не мог не вызвать исторических ассоциаций. Неудивительно, что к сегодняшнему дню известны уже не только статьи, репортажи и интервью (единообразного содержания), но даже литературные произведения [Молодая гвардия 2014; Подростки Луганщины 2014; Донецкий 2019, 65 и др.]. Но до сих пор не удалось получить подтверждения истинности этого сюжета из надежных источников.

В целом следует заметить, что ни в чем так остро не проявились противоречия идеологического строительства ЛДНР,

² Данное издание является уникальным сборником свидетельств, внимание в нем уделено тем фактам, которые подробно документированы Миссией ОБСЕ, Human Rights Watch (HRW), Amnesty International и другими международными организациями, а приведенные заключения делаются на большом объеме фактологического материала, собранного Фондом исследования проблем демократии.

как в формировании собственного пантеона героев. При множестве примеров самоотверженных поступков в официальном поле фигурирует ограниченный ряд героических символов, связанных с конкретными личностями. Все они — знаменитые командиры ополчения, и все они погибли, — здесь как никогда вспоминаются принципы «отбора в герои», характерные для советской идеологической системы, но память каждого героя ЛДНР омрачена противоречивыми коллизиями гибели, чего, конечно, не могло случиться при канонизации советского символа героизма [Сенявская 1999, 2005].

Среди ответов респондентов на вопросы о героях с редким единодушием звучат мнения о героизме всего населения: *«Герои — каждый, кто решил туда пойти — санинструкторы, спасатели МЧС, дворники...»* (ДНР06.11.19.И7И7ТВ); *«Герои — те, кто что-то делал»* (ДНР06.11.19.И8И6(б)ТВ); *«Герои — простые воины и рядовые — самые простые люди поднялись. Встали, поверили»* (ДНР08.11.19.И1И11ТВ); *«Герои — это наши детки под минами и бомбами»* (ДНР09.07.19.И4И4ТВ).

Обозревая символы и образы Великой Отечественной войны в публичном пространстве Донбасса, невозможно обойти вниманием георгиевскую ленточку. Свой нынешний статус в общественном пространстве России атрибут приобрел с 2005 г., когда, используя исторически сложившийся смысловой потенциал реплики наградной ленты к ордену Св. Георгия, РИА «Новости» и «Студенческая община» инициировали специальную акцию к 60-летию Победы. Сегодня это популярнейший символ, который объединяет по всему миру всех, кто чтит победу советского народа над нацизмом. Однако на Донбассе георгиевская ленточка приобрела целый спектр дополнительных смыслов. В условиях нагнетания враждебности к России она стала символом связи юго-востока с «русским миром», знаком причастности к великой, в том числе и советской, истории. По мере усложнения ситуации, важнейшими стали функции опознавательного маркера для «своих» и средства выражения скорби перед памятью павших героев Донбасса, жертв Новороссии — Одессы, Харькова, Мариуполя, Запорожья. Естественно, оборотной

стороной признания ленточки героическим символом по одну сторону линии разграничения стало острое ее неприятие по другую, которое вылилось в полный запрет на использование и даже на хранение этого атрибута [Федорова, Ковпак 2016].

С момента провозглашения народных республик власти не раз подчеркивали, что героические символы победы советского народа над фашизмом являются важной опорой идеологии и государственности Донбасса. Это нашло разнообразные и выразительные воплощения в общественной жизни, которые развивались последовательно от самостоятельных форм к профессионально выполненным баннерам. В частности, с первых дней восстания в уличной агитации Донецка и Луганска активно использовались плакаты и граффити со знаками перечеркнутой свастики и надписями «Нет войне!», «Фашизм не пройдет!», «Нет фашизму!». На митингах можно было увидеть пенсионеров, раздающих открытки с изображением И. В. Сталина и надписями «Враг будет разбит!» и «Победа будет за нами!». Затем появились печатные плакаты такого же содержания. Один из них длительное время был размещен в центре города возле здания Донецкого музыкально-драматического театра. Позже центральные улицы были оформлены репликами известных советских плакатов на баннерах мобилизационного содержания: плакат «Ты записался добровольцем?» (автор Д. Моор, 1920) с добавлением надписи «Донбасс не поставит на колени! Все на защиту Родины!», плакат «Родина-мать зовет!» (автор И. Тоидзе, 1941) с дополнением «Вступайте в ряды народного ополчения Донбасса!», «Бьемся мы здорово, колом отчаянно, внуки Суворова, дети Чапаева!» (Кукрыниксы, 1941 г.) с дополнительной надписью «Мы победим!» и др. Особенно много подобной наглядной агитации было в 2014–2016 гг. [Наглядная агитация 2014; Воскресенский 2016]. В интернет-пространстве стали популярны демотиваторы, разнообразно обыгрывающие параллели, основной смысл которых выражен на открытках, растиражированных в соцсетях накануне 9 мая 2016 г.: на ней глава ДНР А. В. Захарченко, одетый в форму ополчения (допускаются и полевой, и парадный варианты), пожимает руку ветерану Великой

Отечественной войны. Подпись гласит: «Победили деды — победим и мы!» или: «Победили тогда — победим и теперь!».

За годы войны день Победы 9 мая стал праздником «со слезами на глазах», с особыми донбасскими оттенками смыслов: во время шествия «Бессмертного полка» дончане и луганчане несут портреты погибших ополченцев и мирных жителей вместе с портретами воинов Великой Отечественной войны. В военном параде по улицам проходят боевые подразделения и военная техника ополчения (теперь народной милиции).

Вероятно, наиболее сильным публичным актом параллелизма стал организованный властями Донецкой республики «парад» пленных. 24 августа 2014 г. солдат украинской армии из частей, осаждавших город, провели под конвоем по главной улице столицы ДНР, подобно тому, как в 1944 г. провели по Москве пленных гитлеровцев. Целью акции стало не только желание подчеркнуть высокий смысл борьбы Донбасса, но и дать символическое утешение горю и гневу жителей города, измученного обстрелами и блокадой, заявить о скорой победе. Очевидец «парада» так описывает произошедшее: «Они идут, как и хотели, по главной улице Донецка, вступают на площадь ненавистного им Ленина. Но без оркестра. Ленин им уже не мешает. Они не смеют на него взглянуть, а он смотрит на них с каменным донецким спокойствием. Впереди потрепанного, опущенного на колени (в прямом и переносном смысле) бандеровского войска идут женщины с автоматами наперевес. По бокам — мужчины с немецкими овчарками. Сзади — три поливальные машины. Каждая деталь шоу насыщена политическим, историческим, кинематографическим смыслами, символична. Символ этот срывается и летит в вечность» [Донецкий 2019, 33].

В различного рода коммуникациях стали популярны и многообразны прозрачные метафорические приемы: «*Та не переживай за ополчение, первый удар сдержат. Всего хватает. А потом — ВСТАВАЙ СТРАНА ОГРОМНАЯ!! Так что хвашисты не пройдут. И когда нужно будет ответка полетит...*» [GOVES 19]. Многие объекты на донбасской карте сегодня имеют устойчивые соотношения с городами-героями

и знаковыми событиями Великой Отечественной войны: «Горловка — Сталинград», «Шахтерск — донецкая Прохоровка», «прорыв блокады Луганска», — многочисленные примеры можно услышать в частном разговоре и в публичной речи, встретить на сайтах оповещения и в Твиттере.

За прошедшие годы подросло новое поколение детей, в сознании которых обе войны слились: «Внучка спрашивает на параде: “Бабушка, там написано с Днем ПОБЕДЫ, мы что? укропов³ уже победили?” Говорю “нет, милая, это наши предки победили немецкий укроп, а украинский еще не победили”. Ответ внучки меня добил: “Не переживай, бабушка, украинский обязательно добьем!”» [Заметка от мирной жительницы 2019].

Таким образом, героические символы Великой Отечественной войны стали неотъемлемой частью вооруженного конфликта на Донбассе. Внедрение их в общественное сознание, публичные и частные практики происходило по нескольким каналам, среди которых заметно прямое конструирование со стороны республиканской власти. Вместе с тем прочную основу, благодаря которой эти символы были с энтузиазмом восприняты населением, составил естественный ассоциативный процесс, противопоставивший по ряду исторически сложившихся признаков самопровозглашенные республики силам, которые после майдана пришли к власти в Киеве. Благодаря героическим символам Великой Отечественной войны образы ЛДНР формировались в категориях справедливости, интернационализма, преемственности идеалистически трактуемым советским ценностям, под лозунгами возвращения в Россию или всевозможного сближения с ней. Вооруженный конфликт с националистическими властями Киева представлял борьбой против «воскресшего» фашизма, чему немало способствовали агрессивная риторика и преступная деятельность украинских радикалов. Инициативные движения и спонтанные реакции «снизу» и целенаправленное конструирование «сверху» имели встречную направленность, вызывали массовый энтузиазм и сыграли важную мобилизующую роль в 2014–2016 гг. С этим периодом связана

³ Укроп — обычно ироническое название сторонников киевского майдана.

и максимальная интенсивность обращения к образам Великой Отечественной войны в публичном пространстве.

Вместе с тем по ряду причин стройной системе символов донбасской войны, сопоставимой по структуре с системой символов Великой Отечественной войны, сложиться не довелось. Это становится очевидным при сравнении [Сенявская 199, 193–215]. Рассмотренный материал представляет собой, скорее, конгломерат прецедентов — более частотных в одних случаях и единичных в других. Развитие этой системы получило иное направление в условиях отсутствия последовательности властей в этом вопросе, неопределенности будущего республик Донбасса и позиционных боевых действий под прикрытием Минских соглашений. Кроме того, гражданский характер конфликта изначально существенно ограничивал возможности прямолинейной эксплуатации образов Великой Отечественной войны.

В полевых записях 2018–2019 гг. были зафиксированы признаки разочарования

и нарастания критических настроений по отношению к риторическим сравнениям донбасских событий с Великой Отечественной войной. «Когда это Отечественная война, то должна быть победа и взятие Берлина, а если тебе до Марика⁴ дойти не дадут 5 лет, не надо тогда про Отечественную войну» (ДНР24.10.18.И1И1); «Я понимаю, война: одни наступают, другие отступают, потом мож наоборот, но когда 4 года бьют по моей хати — шо ж то за Война?» (ДНР19.07.18.И19И21ТВ).

Все эти процессы исключительно сложны, к ним нельзя относиться поверхностно: видеть исключительно народные инициативы или целенаправленное внедрение пропагандистских штампов. Они не завершены, заслуживают продолжения наблюдений и отдельного изучения. Однако уже сейчас очевиден мощный потенциал идеологического наследия Великой Отечественной войны, которое остается активным компонентом актуальных общественно-политических событий.

Источники и материалы

Блокнот ополченца 2019 — Блокнот ополченца. URL: https://vk.com/strelkov_info?z=photo-57424472_457346274%2Fwall-57424472_247180 (дата обращения: 01.12.2019).

Воскресенский 2016 — *Воскресенский Э.* Высший градус патриотизма или наследие советской пропаганды в ДНР. URL: https://restoring-donbass.com/blog/edyard_voskresenskiy/39677-vyisshiy-gradus-patriotizma-ili-nasledie-sovetskoj-propagandyi-v-dnr/ (дата обращения: 12.04.2020).

Григорьев 2016 — *Григорьев М. С.* Обыкновенный фашизм: военные преступления украинских силовиков (2014–2016). М.: Кучково поле, 2016.

Донецкие ополченцы 2014 — Донецкие ополченцы выставили против карателей советский танк. URL: <https://www.samara.kr.ru/daily/26240/3122387/> (дата обращения: 11.09.2018).

Донецкий 2019 — *Донецкий И.* Мама, если не я, то кто? (художественно-публицистический дневник). Донецк: Изд. дом “Edit”, 2019.

Дорошенко 2016 — *Дорошенко С.* В ЛНР подсчитали, что украинские войска повредили в республике 80 памятников ВОВ. URL: <https://www.politnavigator.net/v-lnr-podschitali-80-pamyatnikov-vov.html> (дата обращения: 16.07.2018).

Заметка от местной жительницы 2019 — Заметка от местной жительницы. Сводки от ополчения Новороссии. URL: https://vk.com/strelkov_info?utm_source=search_mail&utm_medium=organic&utm_term= (дата обращения: 12.05.2019).

Исторії несепаратисток 2015 — *Исторії несепаратисток / Упорядкув. О. Тараненко.* Вінниця: Т. П. Барановська, 2015.

Как ополченцы воюют 2015 — Как ополченцы воюют на восстановленной технике. URL: <http://xitkino.ru/film/SGV0eDUtekpQUE0=> (дата обращения: 01.01.2019).

Молодая гвардия 2014 — Молодая гвардия. Современная история. Герои наших дней. URL: <https://fishki.net/anti/1337621-molodajagvardija-sovremennaja-istorija-geroi-nashih-dnej.html> (дата обращения: 11.09.2018).

Наглядная агитация 2014 — Наглядная агитация эпохи Донецкой республики. URL: <https://tutuskania.livejournal.com/1659387.html> (дата обращения: 13.02.2020).

Памятник Ленину 2014 — Памятник Ленину в Харькове снесли по распоряжению губернатора. URL: <https://ukranews.com/news/274540-pamyatnyk-lenynu-v-kharkove-snesly-po-rasporjazyhenyu-gubernatora> (дата обращения: 03.10.2017).

Подростки Луганщины 2014 — Подростки Луганщины: навеки 17-летние. URL: <http://>

⁴ *Марик* — Мариуполь.

nashagazeta.net/71596-podrostki-luganschiny-naveki-17-letnie.html (дата обращения: 18.09.18).

Ревакина 2016 — Стихи ДО и ПОСЛЕ. Анна Ревакина пишет о войне, которую она не выбирала. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2016/07/04/69153-stihi-iz-do-i-posle> (дата обращения: 16.02.2020).

САС 2004 — Славянский ассоциативный словарь: русский, белорусский, болгарский, украинский / Н. В. Уфимцева, Г. А. Черкасова, Ю. Н. Караулов, Е. Ф. Тарасов. М.: [Б. и.], 2004.

Слово как оружие 2019 — Слово как оружие / Сост. В. П. Бузина, Е. М. Вавилова М.: Альфа-Дизайн, 2019.

Станкевич 2011 — Интервью Сергея Станкевича // Комсомольская правда. 2011. 18 августа.

Федорова, Ковпак 2016 — Федорова Н., Ковпак Е. Большая победа маленькой киевлянки — предвестник победы над нацизмом на Украине // Новая Земля. 2016. № 4 (18). С. 4–7.

Юность моя в огне 2017 — Юность моя в огне: студенты Донецкого национального университета о необъявленной войне. Донецк: [Б. и.], 2017.

GOVES 19 — GOVES. Группа оповещения. Новороссия. ДНР. ЛНР. Переключка 24.04.2019. URL: https://vk.com/opoveshenie?utm_source=search_mail&utm_medium=organic&utm_term=goves (дата обращения: 20.07.2019).

Исследования

Баранов 2015 — Баранов А. В. Великая Отечественная война как объект исторической политики на Украине и в Новороссии: сравнительный анализ // Антропология конфликта и мира: Великая Отечественная война в исторической памяти и культуре народов юга России: Матер. III Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: Книга, 2015. С. 85–93.

Беспалов 2019 — Беспалов А. К. Героика и предательство в условиях современного развития Русского мира: постановка проблемы //

Донецкие чтения-2019: образование, наука, инновации, культура и вызовы современности: Матер. IV Междунар. науч. конф. (Донецк, 31 октября 2019 г.). Т. 8: Политические и юридические науки. Донецк: Изд-во ДонНУ, 2019. С. 35–38.

Константинов, Ушаков 2001 — Константинов С. В., Ушаков А. И. История после истории. Образы России на постсоветском пространстве. М.: Аиро ХХ, 2001. С. 33–44, 137–142.

Носков 2015 — Носков В. Ю. Две войны в жизни одного поколения: интервью детей войны (1941–1945 гг.) как исторический источник: Сб. матер. Первой науч. конф. ДНР «История Донбасса: анализ и перспективы». Донецк: Изд-во ДонНУ, 2015. С.24–27.

Пластикова 1979 — Пластикова О. И. Аксиологический характер исторического познания // Проблемы познания и моделирования социальных явлений. Томск, 1979. С. 34–39.

Портнов 2011 — Портнов А. В. Украинские образы Второй мировой войны // Вестник общественного мнения. 2011. № 2 (108). Апрель — июнь. С. 86–92.

Сенявская 1999 — Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: Рос. полит. энциклопедия, 1999.

Сенявский 2015 — Сенявский А. С. Историческая память об освободительной миссии Красной армии в Великой Отечественной войне: проблемы формирования, сохранения и передачи следующим поколениям // Антропология конфликта и мира: Великая Отечественная война в исторической памяти и культуре народов юга России: Матер. III Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар: Книга, 2015. С. 63–74.

Стяжкіна 2016 — Стяжкіна О. В. Дискурс окупації як механізм осмислення російської агресії проти України // Нові сторінки історії Донбасу. 2016. Кн. 25. С. 71–99.

© Т. Ю. Власкина, 2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Власкина Т. Ю. <https://orcid.org/0000-0003-1371-7628>

Старший научный сотрудник Южного научного центра РАН: Российская Федерация, 344006, г. Ростов-на-Дону, пр. Чехова, д. 41; тел.: +7 (928) 626-81-48; e-mail: vlskiny@mail.ru

Symbols and Myths of the Great Patriotic War That Shape the Image of the Contemporary Armed Conflict in Donbas

Tatiana Yu. Vlaskina

(Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences:
41, Chekhov ave., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation)

Summary. *The article analyzes the mechanisms that generate historical associations and allusions, which makes it possible to trace semantic relationships between important social events and processes. It focuses on the Great Patriotic War, whose axiological dominants and semantic markers continue to be reproduced in a variety of contexts throughout the postwar period. For example, the heroic symbols of the Great Patriotic War took on special ideological significance for the LDPR (the Lugansk and Donetsk People's republics), as well as in the construction of the public image of the people's republics. The author discusses the multiplicity of factors and reasons for generating associative relationships and focuses on this phenomenon in various spheres of life in Donbas. The research is based on materials of an expedition in 2018–2019, including audio recordings of interviews, photographs, and expert assessments. In addition, publications in the media and social networks are cited.*

Key words: Donbas, WWII, historical associations, symbols, historical myths, heroes, monuments, public events, public practices, interviews.

Acknowledgements. *This article received financial support via a grant from the Russian Science Foundation, project No. 17–18–01411, “Wars and the Population of Southern Russia in the 18th — Early 21st Century: History, Demography, Anthropology.”*

Received: April 20, 2020.

Date of publication: September 25, 2020.

For citation: Vlaskina T. U. Symbols and Myths of the Great Patriotic War That Shape the Image of the Contemporary Armed Conflict in Donbas. *Traditional Culture*. 2020. Vol. 21. No. 3. Pp. 11–24. In Russian.

DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2020.21.3.001>

References

- Baranov A. V.** (2015) Velikaya Otechestvennaya voina kak ob'ekt istoricheskoi politiki na Ukraine i v Novorossii: sravnitel'nyi analiz [The Great Patriotic War as an Object of Historical Policy in the Ukraine and Novorossiya: Comparative Analysis]. In: Antropologiya konflikta i mira: Velikaya Otechestvennaya voina v istoricheskoi pamyati i kul'ture narodov yuga Rossii [Anthropology of Conflict and Peace: The Great Patriotic War in the Historical Memory and Culture of the Peoples of Southern Russia]. Mater. of the III Schol. and Pract. Conf. Krasnodar: Kniga. Pp. 85–93. In Russian.
- Bespalov A. K.** (2019) Geroika i predateľstvo v usloviyakh sovremennogo razvitiya Russkogo mira: postanovka problemy [Heroics and Betrayal in the Modern Development of the Russian World: Posing the Problem]. In: Donetskkie chteniya 2019: obrazovanie, nauka, innovatsii, kul'tura i vyzovy sovremennosti. T. 8: Politicheskie i yuridicheskie nauki [Donetsk Readings 2019: Education, Science, Innovation, Culture and the Challenges of the Present. Vol. 8: Political and Legal Sciences]. Mater. of the IV Schol. Conf. (Donetsk, October 31, 2019). Donetsk: Izdatel'stvo DonNU. Pp. 35–38. In Russian.
- Konstantinov S. V., Ushakov A. I.** (2001) Istoriya posle istorii. Obrazy Rossii na postsovet-skom prostranstve [History After History: Images of Russia in Post-Soviet Space]. Moscow: Airo XX. In Russian.
- Noskov V. Yu.** (2015) Dve voiny v zhizni odnogo pokoleniya: interv'y u detei voiny (1941–1945 gg.) kak istoricheskii istochnik [Two Wars in the Life of One Generation: Interviews with War Children (1941–1945) as a Historical Source]. In: Istoriya Donbassa: analiz i perspektivy [History of Donbas: Analysis and Prospects]. Coll. of mater. of the 1st Schol. and Pract. Conf. of DPR. Pp. 24–27. In Russian.
- Plastikova O. I.** (1979) Aksiologicheskii kharakter istoricheskogo poznaniya [The Axiological Character of Historical Knowledge]. In: Problemy poznaniya i modelirovaniya sotsial'nykh yavlenii [Problems of Cognition and the Modeling of Social Phenomena]. Tomsk: Izdatel'stvo TGU. Pp. 34–39. In Russian.
- Portnov A. V.** (2011) Ukrainskie obrazy Vtoroi mirovoi voiny [Ukrainian Images of the Second World War]. *Vestnik obshchestvennogo mneniya* [Bulletin of Public Opinion]. 2011. No. 2 (108). April — June. Pp. 86–92. In Russian.
- Senyavskaya E. S.** (1999) Psikhologiya voiny v XX veke: istoricheskii opyt Rossii [Psychology of War in the 20th Century: The Historical Experience of Russia]. Moscow: Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya. In Russian.

Senyavskii A. S. (2015) Istoricheskaya pamyat' ob osvoboditel'noi missii Krasnoi armii v Velikoi Otechestvennoi voine: problemy formirovaniya, sokhraneniya i peredachi sleduyushchim pokoleniyam [Historical Memory of the Liberating Mission of the Red Army in the Great Patriotic War: Problems of Its Formation, Preservation and Transmission to Later Generations]. In: Antropologiya konflikta i mira: Velikaya Otechestvennaya voina v istoricheskoi pamyati i kul'ture narodov yuga Rossii [The Anthropology of Conflict and Peace: The Great Patriotic War in the Historical Memory and

Culture of the Peoples of Southern Russia]. Mater. of the III All-Russian Schol. and Pract. Conf. Krasnodar: Kniga. Pp. 63–74. In Russian.

Styazhkina O. V. (2016) Diskurs okupatsii yak mekhanizm osmisleniya rossiis'koi agresii protiv Ukraini [The Discourse of Occupation as a Mechanism for Understanding Russian Aggression Against the Ukraine]. In: Novi storinki istorii Donbasu [New Pages of the Donbas History]. Bk. 25. Pp. 71–99. In Ukrainian.

© T. Yu. Vlaskina, 2020

ABOUT THE AUTHOR

Tatiana Yu. Vlaskina <https://orcid.org/0000-0003-1371-7628>

E-mail: vlaskiny@mail.ru

Tel.: +7 (928) 626-81-48

41, Chekhov ave., Rostov-on-Don, 344006, Russian Federation

Senior Researcher, Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY4.0)